

Т.П. Буслакова

«На заре ты ее не буди...» (1842)

Стихотворение построено как поиск ответа на скрытый вопрос, отчего «горяч утомительный сон» героини. В последней строфе эта художественная цель проявлена («Оттого-то...»).

Мотив сна позволяет остановить мгновение, рассмотреть ее черты и задуматься о том, что «долго-долго» длилось «вчера... ввечеру». Героиня — юное и прекрасное существо:

Ярко пышет на ямках ланит.

...

И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

...

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.

Портрет антитетичен скрытым чувствам: следя за «яркой» луной «вчера», она становилась все «бледней». Что-то мучило ее, заставляя «больней и больней» биться сердце. Антитеза создается благодаря динамике состояний:

«Игру» «скользя, затевала луна»	— «сидела она»
«ярче играла луна»	— «все бледней становилась»
«громче свистал соловей»	— «Сердце билось»

Чувство не названо, но многие признаки подсказывают, что сон бежит от влюбленной девушки (она «сладко... спит» «на заре» после «утомительной» ночной бессонницы, луна и соловей — постоянные образы любовной лирики). «Заря», «утро» — значимые образы в обрисовке «юной» любви, первого чувства. Оно неясно ей самой, и пейзажные параллели проявляют, насколько громко оно заявляет о себе в душе (субъективное переживание отдается болью в сердце). Нарастание интенсивности ощущений передается усилением признака («ярче», «громче», «бледней», «больней»). Мотив несчастной, безответной любви связан с противоречивостью внешних и внутренних характеристик как в природе, так и в образе героини:

«сладко... спит»	— «билось больней»
«ярко пышет»	— «бледней становилась»
«горяч... сон»	

Сложная связь признаков, включающихся в разные антитетичные ряды, создает картину внутреннего смятения. Его мажорная эмоциональная окраска возникает благодаря инструментовке стихотворения. Обрамляющие строфы построены на ассонансных звуках «е» и «и» («и» использован в обеих рифмах четверостиший). Во 2–4 строфах добавляется слышный уже в первом четверостишии «а» (в особенности его активизирует последняя строчка: «Ярко пышет на ямках ланит»). В третьей строфе в первой и третьей строчках появляется «у» («А вчера у окна ввечеру...», «И следила по тучам игру»), создающий (звуковой символизм) в совокупности с другими ассонансами тревожное настроение.

Итог развитию разных мелодических ходов подводится в последней строфе. Унылый «у» слышен в словах, значение которых опровергает это впечатление («юной», «утро»). Как к тонике, звучание текста возвращается к «светлым» «е» и «и». Разнообразие эмоций, обусловленных в предыдущих четверостишиях словами с этими ассонансами («утомительный», «чернеясь», «бледней», «больней» и в то же время «зарю», «ланит»), сменяется доминированием жизнеутверждающих чувств, выраженных не только в по-

вторе понятий первой строфы, но и в ключевом слове «горит». В контексте стихотворения мотив горения, относящийся не только к утреннему свету, но и к проявлению чувств, воспринимается как самое «яркое» впечатление:

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Вследствие метафорического смысла образа мысль, повторяющая начало стихотворения, воспринимается по-новому. «Заря», «сладкий» сон — понятия, получающие иносказательное значение. В переносном смысле они выражают радостное ощущение жизненного начала, что и становится завершающим аккордом стихотворения, подтвержденным восклицательной интонацией. Многозначность такого иносказания (расцвет, огонь любви, юношеские иллюзии) свидетельствует о символической природе образа.

Музыкальной выразительности способствуют и ассонансные стыки («ты ее», «на ямках», «подушка ее» «вчера у окна», «ярче играла», «на юной», «заре она»), звуковые повторы с сонорными, пронизывающие весь текст, внутренние рифмы:

И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна и др.

Богатство фонических средств становится, начиная с ранних произведений, отличительной чертой стиля поэта, отражающей его стремление передать «звонкий рой» впечатлений от многоголосной жизни («Нет, не жди ты песни страстной...», 1858).